

Литература

- Байбурин А.К., Топорков А.Л.* У истоков этикета. Л., 1990.
- Б-ков М.* Быт карела // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1913. № 3. С. 107–111.
- Винокурова И.Ю.* Традиционные праздники вепсов Прионежья (конец XIX – начало XX в.). Петрозаводск, 1996.
- Громов З.* Экономическое описание Ребольского прихода // РГО, р. 25, оп. 1, № 41.
- Желаев В.* Географические, статистические и этнографические сведения о городе Пудож Олонецкой губернии // РГО, р. 25, оп. 1, № 10.
- Калинин И.* Онежане // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1911. № 8–9. С. 659–675.
- КППЗ – Карельские пословицы, поговорки, загадки. Петрозаводск, 1959.
- Куликовский Г. И.* «Общественный пир» в Каргопольском уезде // ОГВ. 1895. № 9. С. 5–6.
- Лавонен Н.А.* Стол в верованиях карелов. Петрозаводск, 2000.
- Логинов К.К.* Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья (конец XIX – начало XX в.). СПб, 1993.
- Петров К.* Устьмоша (Из путевых записок) // Олонецкие губернские ведомости. 1864. № 22. С. 103–105.
- П.М.* Из быта и верований карел Олонецкой губернии // ОГВ. 1894. № 86. С. 9–11.
- Румов Н.* Этнографические сведения о Чуриловском приходе Вытегорского уезда // РГО, р. 25, оп. 1, № 21.
- РП – Русский праздник: Праздники и обряды народного земледельческого календаря. Иллюстрированная энциклопедия. СПб, 2001.

М.В. Пулькин

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАЗДНИКИ В ГОРОДАХ ОЛОНЕЦКОЙ ЕПАРХИИ (XIX–НАЧАЛО XX в.)

Специфика городских праздников находится под осязаемым влиянием социокультурных особенностей урбанистической среды. Во все времена «город притягивает инициативу, поднимает выше цеховой значимости индивидуальность, открывает широкое жизненное пространство активности субъекта» [Немчинов 1995: 238].

Город является организующим центром культуры как место инноваций, как провозвестник будущего. Все эти черты городской жизни слабо состыковывались с нормами приходской жизни, где главную роль играла традиционная культура. Тем не менее любой город существенным образом влиял на состояние духовной жизни в целом. В частности, особым явлением в конфессиональной истории стала городская религиозность, отчетливо проявляющаяся во время праздников.

Известно, что местная власть по-разному расценивала состояние благочестия в народе, отдавая предпочтение низшим слоям городского населения. Как говорилось в отчете о состоянии Олонецкой епархии за 1861 г., «о жителях городов можно сказать, что между ними чувство благочестия живее и искреннее в среднем и низшем сословии, чем в сословии чиновном, в котором вообще примечается более равнодушия и холодности по отношению к благочестию» [РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 61, л. 29–29 об.]. На окрестные селения город влиял не только в экономическом, но и в духовном плане. Нередко жители пригородных приходов не соблюдали пост, «соблазняясь всякого рода городскими развлечениями» [Бернштам 2005: 201]. Все эти наблюдения звучат вполне актуально и в настоящее время. *Цель данной работы заключается в изучении специфических особенностей городской конфессиональной культуры и ее приоритетов с опорой на источники XIX – начала XX в.*

Далеко не все элементы праздничной культуры одинаково отражены в имеющихся, опубликованных и обнаруженных в архивах документах. Наиболее подробные сведения сохранились о крестных ходах. Это наиболее красочные, массовые, значительные по составу участников городские мероприятия, с которыми население связывало серьезные надежды. Церковное законодательство XIX в., закрепляя, вероятнее всего, существующие нормы, предусматривало меры, регламентирующие время совершения крестных ходов и направленные на охрану общественного спокойствия в ходе церковных процессий: «Полиция наблюдает за сохранением благочиния во время церковных торжеств, *крестных ходов* (курсив мой. – М.П.), водосвятия и тому подобных установленных обрядов» [Свод уставов 1906: 283]. Во время крестного хода полиции следовало обеспечить бес-

препятственное прохождение церковного шествия: чтобы не происходило «поперечной езды» через улицы или иного «помешательства шествию». Стражи порядка добивались, чтобы «для смотрения на ход никто на улице не строил подмосток из скамей, досок, бревен или иного». В момент совершения крестного хода требовалось закрыть «питейные дома» и прекратить торговлю любыми товарами, «кроме съестных жизненных потребностей». Полиция следила за тем, чтобы одновременно с крестным ходом не устраивались всякого рода шумные увеселения, пляски, «конские ристания» и тому подобное [Свод уставов 1906: 284]. Священнослужителям запрещалось разговаривать между собой и раскланиваться со знакомыми [Ивановский 1902: 139]. Старообрядцам совершение крестных ходов вплоть до появления закона о веротерпимости 1905 г. категорически запрещалось [Инструкция 1900: 758].

Городские церковные процессии, приуроченные к праздникам, имели собственную специфику, отличающую их от аналогичных сельских элементов праздника. Так, крестные ходы не в последнюю очередь предназначались для того, чтобы продемонстрировать единство духовенства и народа в шествии по городу, вокруг села, из храма к часовне и т.д. В действительности даже сама последовательность прохождения церковников во время крестного хода в городах являлась источником конфликтов. В некоторых случаях представители черного и белого духовенства, проживавшие в одном и том же городе, оспаривали друг у друга первенство во время процессии. Глухие отзвуки противостояний сохранились в делопроизводстве Олонецкой консистории конца XVIII в. В 1793 г. иеромонах Варлаам, строитель Спасо-Каргопольского монастыря, «никем не зван», явился в городскую соборную церковь и «в продолжение обедни облачился во все свое облачение». После этого он «первенствующим стал на середину церкви, а с ним и другие из градских священников». В момент начала крестного хода во Владимирскую церковь «к храмовому празднику пресвятыя Богородицы» иеромонах, к крайнему изумлению протопопа городского собора, встал во главе процессии. Раздосадованный священник обратился в консисторию с просьбой разобраться в ситуации, поскольку

«нам неизвестно, почему оной строитель осмеливается занимать первенство в соборе» [НА РК, ф. 25, оп. 15, д. 2/26, л. 1]. Такого рода противостояния в основном были возможны в крупных городах с многочисленным и амбициозным духовенством. В сельской местности, где церковников было немного, текущие вопросы церковной жизни решались проще.

Изучение материалов делопроизводства показывает, что в городах крестные ходы совершались столь же регулярно, как и в сельской местности, и отличались лишь бóльшим числом участников из разных слоев населения. Например, в Повенце крестный ход совершался трижды в год по случаю летних праздников: Николая Чудотворца, Воздвижения Креста Господня и Успения Пресвятой Богородицы. В эти дни верующие в составе торжественной процессии направлялись к расположенным в городе часовням, «поелику сии часовни устроены во имя сих праздников» [НА РК, ф. 25, оп. 15, д. 18/400, л. 2]. В день праздника Преполовления в Петрозаводске регулярно совершался крестный ход из кафедрального собора. Как видно из описания этого торжественного мероприятия, составленного в 1898 г., процессия направлялась «на воду и вокруг города». Верующие во главе с архиереем выходили на городскую пристань, где совершали «чин освящения воды», а затем отправлялись в путь по главным городским улицам. Завершался крестный ход возвращением в кафедральный собор [Крестный ход в Петрозаводске 1898: 4].

Для городских праздников характерно большее внимание к общероссийским событиям. Так, одним поводом для крестного хода стало празднование примечательных дат истории Русской Православной Церкви: в связи с 900-летием крещения Руси в Петрозаводске состоялся крестный ход от кафедрального собора к источнику, находящемуся близ реки Неглинки. Это событие скорее напоминало спектакль на открытом воздухе. По свидетельству очевидца, «по прибытии туда участвовавшим в процессии представилось интересное, невиданное даже 1 августа (когда тоже бывает крестный ход к этому ключу) зрелище: вся вершина песчаной горы, которая окружает ключ с юга, была усыпана народом» [Петрозаводск 2001: 283]. Иногда в городских и сельских праздниках отмечаются черты сходства. Так, неблагоприятные метеоусловия го-

рожане, как и сельские жители, пытались исправить при помощи крестного хода [Кузнецов 2001: 174]. Европейский Север России не был исключением. Самые ранние свидетельства относятся к середине XVII в., когда в Вологде был установлен обетный крестный ход в память о чудесной перемене погоды. После крестного хода к гробу прп. Галактиона небо прояснилось и дождь, угрожавший урожаю, прекратился. С этого времени крестный ход ежегодно совершался в Духов день [Верюжский 1910: 20].

Непременным элементом праздника стали торжественные богослужения. Здесь город служил эталоном, и регулярные богослужения постепенно проникали в деревенский быт из расположенных вблизи городов, становясь обыденным делом. Постепенно, к концу XIX–началу XX в., они более-менее органично вошли в повседневную жизнь горожан и крестьян, стали более благолепными и торжественными. Но и среди городов имелись свои образцы для подражания. В первую очередь становление регулярных богослужений проходило в городах с давними православными традициями и намоленными храмами. Прежде всего, это касается многолюдных и относительно обеспеченных приходов Каргополя. Описывая состояние местных приходов, один из благочинных сообщал консистории в 1879 г.: «Божественные литургии отправлялись по все воскресные и праздничные дни, исключая беднейших и малоприходных церквей» [НА РК, ф. 25, оп. 1, д. 60/1, л. 19]. В источниках второй половины XIX в. встречаются и совсем радужные картины: «За литургиею бывают такие собрания, что делается теснота, от которой в середине стоящие с трудом могут изображать на себе крестное знамение» [НА РК, ф. 25, оп. 1, д. 60/1, л. 66].

Богослужения неразрывно связаны с иконопочитанием. Говоря о влиянии икон на праздники, можно утверждать, что почитание святых образов имело двоякую форму. С одной стороны, иконы, находящиеся в храме, пользовались всенародным почитанием, многие из них были широко известны как чудотворные. С другой стороны, имел место иной вариант культа икон: в рамках крестьянского дома. Оба эти варианта не оставались изолированными. Одним из важных обрядов стало хождение духовенства со святыми иконами из приходского храма по крестьянским жилищам. Аналогичные особенности

почитания икон наблюдались и в городах. Так, по данным 1879 г., обитатели всех приходов г. Каргополя «имеют обыкновение» регулярно вносить в свои дома иконы Казанской Божией Матери, Покрова Богородицы, Николая Чудотворца, Александра Ошевенского «для служения молебнов» [НА РК, ф. 25, оп. 1, д. 60/1, л. 196]. Эта традиция нашла поддержку в законодательстве: разрешалось «по желанию» приносить иконы из церквей в дома, «но не иначе как на руках <...> и без громогласного на улицах пения» [Ивановский 1902: 137]. Имел место и противоположный порядок. В Олонецкой епархии существовала традиция, согласно которой прихожане «приносили в храм свои собственные образа и перед ними молились» [Докучаев-Басков 1900: 15]. В Повенце имелась своя главная городская икона, с которой были связаны некоторые праздничные традиции. Об этом свидетельствуют данные описания, составленного повенецким благочинным в 1893 г.: «Жители города Повенца, – писал священник, – обнаруживают свое благочестие частым хождением в церковь, особенно в дни воскресные и праздничные, а также и в высокотожественные, служением молебнов <...> и частым поднятием в дома свои из собора местной чтимой иконы Смоленской Божией Матери» [НА РК, ф. 25, оп. 15, д. 25/1682, л. 241].

Иные конфессии обладали значительно более скромными возможностями для организации праздников. Известно, что во время праздников приходское духовенство посещало дома горожан. Эти дни становились тревожным периодом для местных старообрядцев. Так, в 1850-х гг. миссионер иеромонах Исихий неоднократно пытался войти в дом олонецкого купца П.А. Мясникова для церковно-просветительской беседы (что в праздники было обычным явлением), но регулярно получал отказ. Позже иеромонах выяснил, что «не для олонецких только священнослужителей не бывает входа в дом Мясникова, но даже и для всех лиц духовного ведомства». Помощнику миссионера удалось узнать, что в доме находится моленная и в праздники совершаются церковные службы по старообрядческим правилам. Внезапный обыск, проведенный при помощи местной полиции в доме олонецкого купца, дал ожидаемый результат. Оказалось, что Мясников хранит дома картину,

«противную учению православной церкви». Ужасная сцена, изображенная на полотне, должна была, по мнению духовных властей, неизбежно «весьма соблазнительно действовать на людей простых и утверждать в них превратные понятия о суете мира». Картину конфисковали, а за домом П.А. Мясникова установили постоянное наблюдение [НА РК, ф. 25, оп. 14, д. 35/45, л. 11].

Еврейская община испытывала меньшие трудности, но и для нее период праздников стал непростым испытанием. Так, «Сибирь внесла свои коррективы в психологию и внешность еврея. Он перестал быть набожным, редко ходил в молельню, торговал по субботам и праздникам, постов не соблюдал» [Савиных 2004: 121]. Учитывая сходство условий сибирского и северного еврейства, можно предположить, что аналогичные закономерности проявлялись и в жизни иудеев, волею судьбы заброшенных в города Европейского Севера. Доказательством здесь может служить ряд дел. Первое из них связано с Петрозаводском и датировано 1860 г. – временем, когда местная, недавно сформировавшаяся еврейская община впервые начала отстаивать свои права. В этом году, вероятнее всего, по просьбе своих подчиненных, командир петрозаводского внутреннего гарнизонного батальона подполковник Харитонов составил рапорт, в котором указывал, что во вверенном ему батальоне число евреев составляет около 200 человек. Они по закону, за отсутствием синагоги, могут собираться для молитвы в указанном месте под наблюдением одного надежного товарища, избранного ими для исправления должности раввина» [НА РК, ф. 2, оп. 4, д. 15/318, л. 1–1 об.]. Такой порядок некоторое время соблюдался: «место для их молитвенных собраний было указано в казарме второй роты». В марте 1858 г. по распоряжению корпусного командира евреям запретили здесь молиться и теперь они «совершенно лишены возможности собраться в одно место для совершения обрядов их веры и молитв не только в дни суббот, но даже и в главные годовые их семь праздников» и поэтому «беспрерывно просят <...> об отводе им места для общего собрания» [НА РК, ф. 2, оп. 4, д. 15/318, л. 1 об.].

Губернское правление, рассмотрев рапорт, вынесло негативное заключение. В Петрозаводске, указывалось в журнале правления,

«помещений для молитвенных собраний евреев не назначено, а также никаких сумм для сего не ассигновано», поскольку устройство синагог, молитвенных школ допускается только в местах оседлости евреев» [НА РК, ф. 1, оп. 24, д. 10/10, л. 19]. В то же время губернское правление позволяло гарнизонному начальству «сделать распоряжение об отводе особого дома», где можно «допустить временное молитвенное собрание» [НА РК, ф. 2, оп. 4, д. 15/318, л. 4–5]. Проблема была решена лишь в 1868 г.: служащие в Петрозаводском батальоне евреи «приобрели покупкою дом с землею», который передали в собственность своего воинского подразделения для того, чтобы вести постоянное богослужение. Как говорилось в составленных по этому случаю документах, «если же случится так, что в батальоне не будет состоять на службе ни одного еврея, то батальон имеет право продать этот дом и вырученные за него деньги разделить между беднейшими жителями города Петрозаводска еврейского закона, по усмотрению самих евреев» [НА РК, ф. 1, оп. 1, д. 46/194, л. 80–81].

Подводя итоги, отметим, что праздничная культура провинциального города складывалась под ощутимым влиянием ряда факторов, к числу которых относятся: растущее социальное расслоение, увеличение числа конфессий (появление протестантских, католических, иудейских и прочих религиозных сообществ), рост полицейского аппарата, призванного обеспечивать общественный порядок во время торжеств. При этом конфессиональный фактор выступал в качестве основной доминанты праздничной культуры, определяя как набор наиболее характерных праздничных ритуалов, так и состав основных участников праздников. Этот же фактор определял основной набор праздничных дат. В то же время в городе сохранялись и даже становились более заметными по сравнению с сельской местностью запреты на публичное празднование и тем самым на пропаганду своих убеждений для ряда конфессиональных сообществ: старообрядцев, сектантов. Серьезные проблемы при проведении праздников испытывали еврейские религиозные общины. Для православной церкви, напротив, создавались максимально благоприятные условия. Они выражались в развитой праздничной эстетике – многолюдных и красочных шествиях со

святыми мощами, иконами, хоругвями. Важным моментом здесь становилось участие полиции, роль которой заключалась в устранении препятствий для праздничных шествий, исключении нежелательных, склонных к девиантным проявлениям представителей городского дна. В целом социальный контроль в период праздников опирался на традиционные нормы, выработанные в сельской местности в течение ряда веков и перенесенные в город, переработанные в урбанистической среде с учетом новых, более значительных экономических и организационных возможностей города.

Литература

Бернштам Т.А. Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. СПб, 2005.

Верюжский И. Преподобный Галактион Вологодский чудотворец. Вологда, 1910.

Вещезеров А. Освящение придела во имя св. и чуд. Николая в Чуриловском приходе, Вытегорского уезда // Олонецкие епархиальные ведомости (ОЕВ). 1911. № 7. С. 111–112.

Докучаев-Басков К.А. Церковно-приходская жизнь в городе Каргополе в XVI–XIX вв. М., 1900.

Ивановский Я. Обзорение церковно-гражданских узаконений по духовному ведомству (применительно к Уставу духовных консисторий и Своду законов). М., 1902.

Инструкция приходским священникам Олонецкой епархии в деле борьбы с расколом // ОЕВ. 1900. № 22. С. 758.

Крестный ход в Петрозаводске // ОГВ. 1898. № 23. С. 4.

Крестный ход в Челмужском приходе Повенецкого уезда 25–26 мая 1914 года // ОЕВ. 1914. № 25. С. 593–594.

Кузнецов С.В. Нравственность и религиозность в хозяйственной деятельности русского крестьянства // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков: Итоги этнографических исследований. М., 2001. С. 171–182.

Логинов К.К. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья. СПб, 1993.

Немчинов В.М. Метафизика города // Город как социокультурное явление исторического процесса. М., 1995. С. 238–251.

Петрозаводск. 300 лет истории. Петрозаводск, 2001. Кн. 2.

Савиных М.Н. Законодательная политика российского самодержавия в отношении евреев во второй половине XIX – начале XX в. Омск, 2004.

Свод уставов о предупреждении и пресечении преступлений // Церковное благоустройство. Сборник действующих церковно-гражданских законоположений, относящихся к духовному ведомству. 1906. Вып. 1.

Список архивных фондов НА РК

- 1 – Канцелярия Олонецкого губернатора.
- 2 – Олонецкое губернское правление.
- 25 – Олонецкая духовная консистория.

Е.Ю. Дубровская

«НОВЫЙ» ЧЕЛОВЕК В «НОВОМ» ОБЩЕСТВЕ: РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СИМВОЛЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ И ПРАЗДНИЧНАЯ КУЛЬТУРА КАРЕЛИИ 1917–1920-х гг.

Последствия политики военного коммунизма для исторического развития северных губерний, как и всей России, не могут оцениваться лишь как результат введения большевистским правительством исключительно вынужденных обстановкой военного времени экономических элементов этой системы (продразверстка, централизация управления национализированной промышленностью, насильственная кооперация, уравнительное распределение, натурализация заработной платы, милитаризация труда и т.д.). [Булдаков, Кабанов 1990; Давыдов 2007: 6, 210–233; Осипова 1992: 111–114].

Наряду с «коммунизацией» деревни, усилением внеэкономического принуждения в сельском хозяйстве и промышленности, утверждением приоритета идеологии в области хозяйства наследие военного коммунизма сказалось и в духовной сфере. К началу 1920-х гг. произошло изменение социокультурного стереотипа России, отмеченное поравнением общественных групп, составлявших крестьянство и интеллигенцию, упадком нравов, распространением ригористических настроений, носители которых разделяли мир на «красных» и «белых», вульгаризацией языка, культивиро-